

Посвящается

Моему деду, Виктору Федоровичу Аверину,
Марине Цветаевой и её „Земным приметам“:
„Нужно писать только те книги, от отсутствия
которых страдаешь. Коротко: свои настольные“.

От автора

*...всегда пел о том, чем в эту минуту одержима была его душа,
даже рискуя слишком обнажить её
перед посторонним взглядом.*

(с) А. В. Карельский об Альфреде де Мюссе

Привет, друг.

Когда эта книга попала к тебе в руки, ты, наверное, перевернул её, чтобы прочитывать аннотацию и решить, стоит ли оно того. А там пусто. И тебе пришлось её открывать.

В аннотации обычно пишут несколько слов о сюжете или героях. Но в этой книге нет сюжета, и даже пары десятков сюжетов, разложенных по рассказам, нет. И про героев – тяжело объяснить, понимаешь?

Эта книга – про маленькую девочку, которой досталось большое сердце. И иногда (часто) от этого было больно. Но иногда... иногда бывала как бы боль наизнанку, сбивающее дыхание «хо-ро-шо». И это хорошо – люди, которых можно (с натяжкой) назвать героями этой книги.

На её страницах вы встретите мальчика, сквозь которого бьёт солнечный свет, девочку, которая добавляет в кофе корицу и мантры, и ещё одну девочку, которая курит на балконе, пока на кухне сами собой бьются стаканы. И других *Человеков*, чьи имена азбукой морзе выстукивает моё сердце.

Я умею быть предельно сентиментальной и, проснувшись на рассвете, выпив залпом стакан воды, лечь животом на чужие ноги, свеситься с кровати, окунуться в лежащий на полу телефон и писать стихи. А потом забраться обратно в одеяло и объятие и заснуть, и проспать до обеда, ведь никакой я не поэт, это так – лунапизм.

Но эта книга – про такую меня и от такой меня. Взъерошенной, с мокрыми щеками, с дрожащими пальцами, с хлопающими в груди ставнями. У меня внутри – сквозняк, и всё это им из меня выдуло на страницы.

Если ты готов (уверен, что не простудишься, сварил кофе и написал родителям «люблю» и «у меня всё хорошо»), переверачивай страницу. И удали с телефона все купибилеты и авиасейлс, а то мало ли что...

Оболочка с тысячьо душ под ней

Ещё одно маленькое предисловие

Все тексты, созданные раньше, чем я оформила эту книгу, обозначены датой их фактического написания. Во-первых — это важно для сохранения хронологической картинки. Во-вторых — со многими из них я сейчас не согласна в силу того, что знаю больше, а чувствую себя лучше. Уверена, что через пару лет всё, что я могу написать сегодня, покажется мне полнейшей ахинеей.

Часто я спрашивала Боря: может быть, не будем это вставлять? Ну зачем? Когда стеснялась написанного, потому что оно слишком личное, слишком влюблённое, слишком депрессивное (и даже с суицидальным настроем) или просто не такое качественное, как я создала бы сегодня. Что-то я переписывала и редактировала. Где-то ошибки не менее значимы, чем сам текст. Боря был беспощаден: он заставил меня вставить всё.

Начало

*Есть отцы, которые не любят своих детей, но не бывает деда,
который не боготворил бы своего внука.
(с) Виктор Гюго, «Отверженные»*

У всего должно быть начало. Может быть, это всего лишь условность, но я ничего не имею против неё.

И вот я стою в начале. На улице снег и холодно, но у меня хорошая куртка, и под шапкой даже немного жарко, только дед ни за что не разрешит снять её. Мы с ним посмотрим, как в сугробе под кустом копошатся мышки. У них чёрные полосочки на спинках и тонкие хвостики, и они одновременно хорошенькие и неприятные, на них хочется и не хочется смотреть. Моя голова далеко, и мышки цепляют внимание только маленькой её части, а в остальном я – полёт! Я сочиняю роман.

Я пишу его ночью, подсвечивая петрадь карманным фонариком, и в метро, и на уроках, спрятав под учебниками и отгибая их краешки, чтобы учитель не обратил внимание. Я пишу его у себя в голове, потому что мой почерк не поспевает за моими мыслями: когда засыпаю, когда плыву на скорость четыре бассейна, когда синхронно с папой жую бутерброды на завтрак.

Что-то происходит: уроки, тренировки, разговоры, поездки с родителями, мытьё головы и пропахших хлоркой купальников, рисование оценок в таблице на холодильнике, хрустящие следы на снегу, короткая перепалка с дедом о том, кто будет нести рюкзак (я всегда проигрываю; дедушка научил меня уже в первом классе, что я не буду носить рюкзаки сама – пусть их за меня носят большие и сильные, а я и без того едва виднеюсь над землёй). Что-то происходит, но происходит как-то мимо меня, потому что я сочиняю роман.

Роман о том, как эльф Леголас с одной стороны океана и гном Гимли с другой стороны океана руководят работами по прокладке тоннеля метро, чтобы встретиться и выпить

по дружеской пинте пива. Чёрта с два вы получите покой, эльфы, угльвшие на поиски Валинора! Я не признаю расслоения общества и пафосных прощаний на причале. Я соединю Аман и Средиземье скоростными поездами.

У гномов, конечно, получается лучше. Но эльфы тоже очень стараются. И мой роман уже занимает целую тетрадь (12 листов в косую линейку!), поэтому пора приступать ко второй части. Я пишу при тома, как Профессор; я с первой попытки пытаюсь запрыгнуть на небеса.

В начале мы с дедом садились на скамеечку в парке. Липкими от клюквы в сахаре пальцами я листала страницы своей тетрадки и читала деду роман. Может быть, поэтому – но скорее просто по вседедовому свойству – дед никогда во мне не сомневался.

КНИГА
С МОИМИ
ВРЕХАМИ

Гусеница городского сумасшедшего

*Без анестезии,
я без анестезии всё чувствую так сильно, так сильно!
(с) Alai Oli, «Без анестезии»*

В 2016 году у меня появилась острая потребность Мыслить и Понимать. Без всяких веществ моё сознание расширялось, и призванные сдерживать его стенки черепа лопались от пуги. Иногда мне отчаянно хотелось перестать думать, но это было физически невозможно: если я в течение дня ни разу не оставалась наедине со своими мыслями и бумагой, куда их можно было бы изложить, меня начинало тошнить от необъятности собственного нутра и острой необходимости его выплеснуть.

Мне было пятнадцать — и меня тошнило мыслями.

Я воспринимала мир так остро, а моё ещё не нашедшее выхода воображение прорывалось в таких странных местах, что мне казалось: я схожу с ума. Картинка в моих глазах самопроизвольно замедлялась и ускорялась; я видела НЛО в небе над Константиново и дым от планшета младшей сестры; иногда объёмные предметы вдруг превращались в плоские и тонкие, как листы бумаги, а крошечные песчинки сахара становились такими огромными, что я могла пересчитать их в липровой банке. «Думаю, я могу видеть мир чуть больше, чем есть».

При этом весной 2016 года я вынырнула из подростково-детской литературы в мир «больших книг» и мемуаров. Я захлёбывалась, читая стихи поэтов XX и XXI века. Например, сборник Высоцкого улетел у меня за одну очередь в больнице. Моя голова требовала Познания, и я впервые задавалась вопросами, которые мучают взрослых людей сотни лет: что будет после смерти? Возможно ли любить и дружить вечно? Каково физическое воздействие счастья? Почему люди поступают так?

Я задумывалась о бесконечности и о том, где у неё границы: «Твоя душа лежит в моих ладонях. Я знаю, что однажды ты захочешь забрать её, но молчу. Ты знаешь, что однажды захочешь забрать её, но сам себе не веришь. Пожалуйста, не верь дольше. Твоя душа так греет руки». И впервые пробовала жить по законам кармы: «Может стать плохо, и обязательно станет – так устроен мир».

В школе нас готовили к ОГЭ, на котором нужно было рассуждать на примитивные темы, разбирая какое-нибудь словосочетание из текста. А я рассуждала на экзаменационном бланке о том, почему Шекспир был прав, когда сказал, что «весь мир – театр». О том, что люди неискренны по своей природе и о том, что я тоже – такая. Ведь я изо всех сил прячу то, что происходит в моей душе.

В 2016 году появились первые сказки, но только в конце года они стали чем-то регулярным, обрели форму и название. А весной, которая кажется мне апогеем моего детства, самой светлой и полной любви, самой счастливой весной, – весной, о которой сейчас речь, это были неопределимые пробы себя, тщательно скрываемые от широкого круга, и особенно от семьи. Со временем я стала прозрачной, как мультифора, и меня начали упрекать: «Ты не боишься, что тебе, такой открытой, легко сделать больно?» Но вот чего я никогда не боялась – так это того, что мне сделают больно. «Никто этого не захочет», – говорила я.

И в это самое время одноклассники сообщили человеку, которого я назвала своим братом, что я «слегка не в себе». «Я испугалась, я хотела доказать обратное хотя бы самой себе; а сегодня поняла, что, напротив, хочу доказать им, что они правы». Этими словами в июне 2016 я признала себя сумасшедшей и гордой своим сумасшествием; не очень-то простое решение. И хотя я (надеюсь) вполне себе в уме, с тех пор я коварно улыбаюсь, когда кто-то пытается сказать мне, что я живу не по правилам.

Я – городской сумасшедший. У меня другие правила.

21 апреля 2016

Мне сказали, что счастье фиолетового цвета.

И я пошёл искать фиолетовый.

Но в этом чёртовом городе всё черно-белое. В этом чёртовом городе все краски вымылись.

Мне сказали, что счастье пахнет весной.

Я ходил и пытался почувствовать — зря.

В этом чёртовом городе — только запах машин. В этом чёртовом городе — только аромат мокрого асфальта.

Мне сказали, что счастье звучит нежно и мягко.

Я искал этот звук — не нашёл.

В этом чёртовом городе звучит гул толпы. В этом чёртовом городе «музыка» рвёт слух.

Мне сказали, что на ощупь счастье — бархат и шёлк.

Я ходил и прогал, и в кровь стёр ладони.

В этом чёртовом городе — твёрдый асфальт. В этом чёртовом городе — упругие тела шин.

Мне сказали, что счастья нет. Я поверил. Я верил всегда.

А потом я и сам нашёл, что сказать.

Мне говорили, говорили, говорили. А я думал: счастье — рыжего цвета. Счастье пахнет дымом моих сигарет. Счастье — это надрывающаяся скрипка. Наощупь оно — твои мягкие волосы, твои нежные руки.

Следующим утром я начал жить.

Всё – бесконечно

Истинная природа вещей – пустота.

Истина – слияние с абсолютном.

(с) рйн, «Юность»

Я читаю свои дневники за 2016 год и думаю о том, что не бывает любви на время. На тех страницах я загадывала всегда идти рядом с друзьями, которых в какой-то момент, возможно, сама оттолкнула. Я загадывала вечную любовь, вечные кухни в лучах рассвета и печенья с шоколадной крошкой, вечные шестнадцать лет. Теперь я почти не ем печенья, да и вообще всё, что с сахаром.

Но моё сердце наполнится любовью. И чтение не возвращает её, потому что она никуда не уходила – только указывает один из путей в ту комнату памяти, где живут и всегда будут жить эти люди. Как и четыре года назад, сегодня я люблю тех, кто тогда крепко держал меня за руку.

Я верю, что если любишь, то будешь любить вечно. Человек может измениться, и ты сам меняешься, и в вашем будущем может не найтись ни одного заветного «общего», необходимого друзьям, кроме воспоминаний – а этого слишком мало, чтобы сохранять повседневную близость. Но отказаться от прежней своей любви, от всех слов, которые ты говорил, и от всего, что вы друг для друга делали – значит предать себя. Значит предать и всю ту любовь, которая есть в тебе сегодня. Ведь если ты так легко обесценил прежнее, откуда взять умение ценить настоящее?

Может быть, это мой маленький секрет бессмертия. Всё – бесконечно. Я ни разу не врала, когда говорила, что буду кого-то любить навсегда. Я продолжаю любить буквами писем, сообщений, сказок, спрочек в дневниках –

буквами, вырезанными на сердце. И всё, что происходит со мной в настоящем, будет происходить вечно — пока не кончится отведённая под это вечность.

Это большая ответственность: знать, что вокруг нет ничего мимолётного. Ни одного взмаха крыльев бабочки, за которым не последует ураган. Ни одной единицы времени, способной исчезнуть, саму себя пожав.

В этом огромном мире мы — крошечные, но в своих крошечных телах — огромные.

я
распадаюсь
на
кусочки

11 июля 2016

Со мной что-то в высшей степени не так. В прекраснейшей степени.

Кажется, я протяну сейчас тебе ладони, и с них пылающей бабочкой взлетит моё сердце. И опалит ресницы жаром своих крыльев.

Кажется, откроются раны всех когда-либо полученных и тысячи раз заживших царапин, и из них хлынет дождевая вода с привкусом цветов клевера.

Кажется, внутри поднимается ураган, в лёгких закручиваются смерчи из эмоций, вызванные просто ярко-голубым небом и зеленью леса на обочине дороги.

Кажется, что, чего бы ни захотеть, оно обязательно сбудется, потому что сил внутри хватит на исполнение любого желания.

Кажется, что я пью свою Жизнь через фиолетовую пробочку из пластикового стаканчика. И распекаюсь по миру миллиардом капелек.

Кажется, что я люблю тебя больше всех, кто встречался и встретится в моей жизни.

Кажется, что это взаимно.

Кажется, что это Космос.

Похоже, я из тех, кто «способен торчать, избежав укола», как в песне у Операции Пластилин¹.

Пишу какой-то психоделический бред, танцую на задворках собственного сознания. Летая и таю, становясь рифмой в чьих-то стихах. Прекращаю быть ошибкой мироздания. Люблю и живу – и пишу это, как синонимы.

Я просто есть. И это чудо, да?

---

1 Цитата из песни «Шелест Утренних Звёзд».

О дневниках и письмах

До свидания, Таня, иначе это письмо никогда не кончится.

(с) Марина Цветаева, письмо Кваниной Т.Н.

Моя любимая часть творческого наследия писателя – его дневники и письма. Во-первых, читать их для меня всегда – учёба, но учёба бесконечно личная. Разговор шёпотом на кухне; света нет, горят свечи; шуметь нельзя – стены тонкие – проснулись домашние, наверное, дети будут плакать громко, не успокоятся до утра; чай правойной, а к чаю – ничего. Если читаешь Хемингуэя, то и чая нет, стоишь виски, и я смотрю на то, как пустеет его бокал – мне больно смотреть, а я смотрю.

Во-вторых, мне кажется, это История. Для писателя писать – это работа, но буквы – это жизнь. И иногда в его романе встречаешь буквы, которые он *прожил* (чем лучше писатель, тем больше таких букв). А в письмах и дневниках все буквы – *прожитые*.

И ведь пишутся они не только для себя и близких. Даже если самому автору кажется, что только для них. Просто есть уже привычка к тому, чтобы каждое слово выпачивать. Не получается относиться к ним пренебрежительно. Переписывают, перечёркивают, забывают черновики в ящиках стола. Забывают – или оставляют, чтобы их потом нашёл тот, кто будет разбирать письменный стол писателя после его смерти?

В литературоведческое понятие «художественный мир писателя» входит и мир каждого из его произведений (не важно, вымышленный ли или заимствованный из реальности), и мир его писем, дневников, заметок на полях, может быть, даже списков покупок. В «художественном мире» живёт каждое записанное им слово.

Иногда мне кажется, что вообще всякий человек пишет свои дневники не для себя. В такие моменты я думаю, что каждая буква должна найти своего читателя, достучаться